

Глава 33. Мутные воды придворных интриг

На следующий день на утреннем докладе цензор Лю Си подал прошение, обвиняя Линь Лана, сына Министра финансов Линь Жухая, в невежестве, пренебрежении правилами приличия, непочтительности к старшим и жестоком обращении с братьями.

Восседавший на троне император, услышав, что цензор ополчился на Линь Лана, мгновенно помрачнел.

— Вот как? — холодно обронил государь.

Лю Си, решив, что владыка требует подробностей, воодушевился и заговорил громче:

— Вчера Линь Лан навестил дом своей покойной матери, Поместье Жунго. Там он проявил вопиющее равнодушие — прошел мимо упавшего без чувств двоюродного брата, даже не взглянув на него...

Но император не стал слушать этот вздор до конца.

— Ты что же, — оборвал он цензора ледяным тоном, — обвиняешь Нас в том, что Мы не умеем разбираться в людях?!

Только тогда Лю Си понял, что наступил тигру на хвост. Побледнев, он рухнул на колени и отчаянно закричал:

— Ваше Величество, пощадите! У вашего ничтожного слуги и в мыслях не было подобной дерзости! Но этот Линь Лан действительно невероятно высокомерен и своеволен, он наверняка ввел Ваше Величество в заблуждение! Молю, прозрите, Ваше Величество!

Он с силой прижался лбом к каменным плитам, так что стук эхом разнесся по залу. Придворные зашептались, переглядываясь, однако никто не спешил выступить в защиту несчастного.

Линь Жухай прекрасно понимал, что его внезапное назначение на пост Министра финансов вызвало у многих черную зависть. Что ж, пусть бы они плели интриги против него самого — к этому он был готов. Но задевать его сына Линь Лана было роковой ошибкой.

И расплата не заставила себя ждать.

— Цензор Лю Си проявил непозволительное неуважение перед лицом трона, — равнодушно произнес император. — Снять с него чиновничье облачение и лишить звания без права возвращения на службу. Навечно.

Едва прозвучал высочайший указ, как в зал вошли стражники и грубо поволокли Лю Си к выходу. Тот не верил своим ушам — наказание было несоизмеримо суровым. Он истошно вопил, моля о пощаде, но ответом ему было лишь гробовое молчание сановников.

Несчастный цензор и не догадывался, что его донос задел за живое. Услышав нападки на Линь Лана, император невольно вспомнил о другом человеке. О том, кого когда-то давно не сумел защитить, позволив завистникам растоптать его, заставив терпеть незаслуженные обиды, что в итоге привело к трагедии... Именно поэтому правитель ни за что не проявил бы милосердия к тому, кто пытался очернить юношу.

На самом деле Лю Си был лишь послушной пешкой в чужих руках. Кое-кто при дворе решил прощупать намерения государя и выяснить, насколько прочно положение Линь Жухая. Заговорщики полагали, что даже в случае неудачи цензор отделается легким испугом, но никак не ожидали столь сокрушительного удара. Теперь всем стало ясно: трогать главу семейства Линь смертельно опасно.

Сам Линь Жухай не проронил ни слова, но его противник был стерт в порошок в мгновение ока. Большинство вельмож решили, что Министр финансов просто пользуется безграничным доверием монарха, и лишь несколько умудренных опытом старых советников заподозрили истинную причину столь яростного заступничества.

По завершении утреннего приема император не стал устраивать личных аудиенций. Вместо этого он в сопровождении пятого принца, Ту И, направился прямиком в Императорский кабинет, где в самом разгаре шел урок живописи. Юным ученикам сегодня позволялось рисовать все, что их душе угодно, и Линь Лан изобразил на свитке забавного снеговика, которого они лепили накануне. Юноша как раз занес кисть, чтобы вывести каллиграфическую надпись, когда двери распахнулись и вошел государь.

Присутствующие склонились в глубоком поклоне. Император же, минуя остальных, подошел прямо к столу Линь Лана. Вглядевшись в рисунок, он с теплой улыбкой спросил:

— Творишь по велению сердца?

Юноша почтительно сложил ладони:

— Ваше Величество, здесь запечатлена вчерашняя забава с высокими принцами.

Стоявший неподалеку четырнадцатый принц, Ту Ли, незаметно покосился на тринадцатого брата, всем своим видом вопрошая:

«Что это отец задумал?»

«Без понятия», — ответил тот, едва заметно поведя бровями.

«На Праздник фонарей он уже уводил А-Лана с собой, а сегодня снова явился!»

«Откуда мне знать?»

«Вечно ты ничего не знаешь, а еще строишь из себя старшего!»

Ту Син не умел читать мысли по лицу, но неприкрытое пренебрежение на физиономии младшего брата распознал без труда. Он сердито зыркнул на него в ответ, словно говоря: «Сам только глазами хлопаешь, откуда мне знать, что ты там себе надумал!»

Тем временем император тихо вздохнул и негромко произнес:

— Пойдем со Мной. Прогуляемся по саду, взглянем на дворцовую сливу.

Линь Лан бросил быстрый взгляд на своего наставника Линъюнь-цзы. Тот едва заметно кивнул, одобряя. Юноша последовал за государем, а пятый принц Ту И остался в кабинете вместе со всеми.

Заметив, что юноша почтительно держится в полутора шагах позади, император протянул руку и мягко увлек его вперед, предлагая идти плечом к плечу.

Линь Лан растерялся от такой неслыханной милости и поспешно отступил назад:

— Ваше Величество, это... это недопустимо. Нарушать этикет мне не дозволено.

Император добродушно усмехнулся:

— К чему эти условности? Пока Я рядом, тебе нечего бояться. Никто в Поднебесной не посмеет и пальцем тебя тронуть!

Линь Лан прекрасно понимал: эта безграничная забота предназначалась не ему, а его покойному деду, перед которым государь чувствовал неоплатный долг. Но выдавать свою осведомленность юноша не собирался — подобные тайны лучше хранить при себе. Поэтому он держался как обычно, стараясь лишь быть чуточку осмотрительнее.

Сжимая ладонь юноши, правитель думал о своем:

«Тогда я оказался бессилен и не смог сберечь твоего деда. Но теперь я не допущу, чтобы его внук повторил ту же трагическую судьбу. Пусть весь мир видит мою благосклонность. Я буду потакать ему во всем, баловать и защищать, чтобы он рос свободным, дерзким и счастливым, не ведая забот...»

Вскоре они дошли до уединенного уголка Императорского сада. Слива здесь цвела пышно, но увиденное совсем не порадовало Линь Лана — все деревья в этом саду, куда ни кинь взгляд, были усыпаны исключительно белыми цветами.

— Ну как? — поинтересовался император. — Какие цветы краше — здешние или те, которыми ты любовался вчера?

Судить о вкусах монарха было делом опасным, но и лгать юноша не хотел. Мягко улыбнувшись, он ответил:

— Цветы сливы прекрасны своей гордой чистотой. Но мне все же милее алые лепестки — они согревают душу посреди зимней стужи. А белые... от них веет печальным холодом и одиночеством.

Император понимающе кивнул:

— У каждого свои пристрастия. А вот Мне всегда были ближе белые цветы.

Хоть на губах государя и играла улыбка, в глубине его глаз затаилась беспросветная тоска. Линь Лан понимал противоречивые чувства правителя: сходство юноши с покойным дедом бредило старые раны и заставляло тосковать еще сильнее, но любые различия между ними лишь подчеркивали горькую правду — того человека больше нет, и император остался на этой вершине власти в полном, леденящем одиночестве.

Впрочем, долго упиваться воспоминаниями им не дали. Вскоре на дорожке показался запыхавшийся евнух со срочными вестями. Императору пришлось спешно вернуться в Зал Усердного Правления, однако перед уходом он велел Линь Лану непременно запечатлеть этот белоснежный сад на холсте. Юноша, разумеется, почтительно согласился и побрел обратно в Императорский кабинет.

К его возвращению занятия как раз подошли к концу, и ученики шумно отдыхали, обсуждая свои успехи.

Заметив Линь Лана, неугомонный Ту Ли тут же подскочил к нему:

— А-Лан, ну признавайся, о чем вы там с отцом секретничали?

— Уж не пытаешься ли ты выведать тайные помыслы государя? — поддразнил его Линь Лан.

— Да упаси небо! — замахал руками принц, рассмеявшись. — Простое любопытство, ничего больше.

Ту Син бесцеремонно опустил тяжелую ладонь на плечо младшего брата:

— Не обращай на него внимания, у него язык вечно впереди мыслей бежит.

Линь Лан воровато огляделся по сторонам и, убедившись, что их никто не подслушивает, заговорщицки прошептал:

— Слушайте, друзья, мне тут ваша помощь нужна.

Ту Ли прищурился с явным подозрением:

— Так-так, и что ты задумал? Опять какую-нибудь каверзу готовишь?

— Ну почему ты обо мне всегда такого предвзятого мнения? — притворно вздохнул Линь Лан.

— Пустяк же! Мне нужно одолжить у вашего пятого брата его загородную усадьбу со Сливовым садом. Хочу в следующий выходной вывезти туда сестру и кузин на прогулку.

Четырнадцатый принц хитро сощурился:

— А почему бы тебе самому у него не попросить? Вы ведь с пятым братом отлично ладите.

Линь Лан небрежным жестом поправил выбившиеся волосы:

— Да когда мне его ловить? Сегодня он хоть и заходил, но не при императоре же мне было заводить разговоры о загородных прогулках!

— Ладно, замечано! — великодушно объявил Ту Син. — Четырнадцатый все устроит, я обещаю за него!

— С какой это стати ты за меня решаешь?! — возмутился Ту Ли и с размаху ткнул брата локтем под дых. Но тут же повернулся к Линь Лану и ободряюще улыбнулся: — Не переживай, А-Лан, я обязательно поговорю с пятым братом.

Линь Лан сочувственно покивал, глядя на согнувшегося пополам и беззвучно хватающего ртом воздух Ту Синя:

— Все-таки полезно иногда думать о последствиях своих слов, Ваше Высочество.

Стоило Линь Лану вернуться домой, как он устроился на галерее у входа, поджидая отца. Едва Линь Жухай переступил порог, юноша услужливо подскочил к нему, помогая снять тяжелое дорожное облачение, и с самым невинным видом поинтересовался:

— Отец, как сегодня прошли утренние доклады? Не случилось ли чего примечательного?

Линь Жухай с мягкой усмешкой взглянул на сына:

— С чего вдруг такое любопытство? Неужто до тебя долетели какие-то слухи, или ты наконец-то решил проявить интерес к государственным делам?

— Ну должен же я когда-то начать заботиться о благополучии нашего семейства! — самым серьезным тоном соврал юноша.

Линь Жухай лишь покачал головой:

— Полно тебе паясничать. Если бы ты действительно взялся за ум, я бы не поленился совершить великое жертвоприношение предкам в знак благодарности. Но доля правды в твоих словах есть. Нашлись сегодня доброжелатели, попытавшиеся обвинить тебя в непочтительности к старшим. Впрочем, не забивай себе голову — все уже улажено.

Отец сознательно умолчал о том, что карающую длань на клеветника обрушил сам император. Линь Жухаю вовсе не хотелось, чтобы его сын узнал о чрезмерном внимании государя к их семье, и он твердо вознамерился скрывать эту тайну как можно дольше.

Юноша, как и рассчитывал отец, истолковал его слова по-своему и устоял на него с нескрываемым восхищением. Линь Жухай мысленно возликовал — отцовское самолюбие было полностью удовлетворено.

Накануне долгожданного выходного Линь Дайюй отправила в Поместье Жунго письмо с приглашением для кузин. Матриарх Цзя-Ши несказанно обрадовалась этой весточке. Для нее это был прекрасный шанс сгладить неловкость недавней ссоры и восстановить пошатнувшийся мир между семьями.

О разыгравшейся во дворце драме старая госпожа узнала от родственников из дома Ши. Сразу после завершения той злополучной аудиенции маркиз Баолин Ши Най и его брат, маркиз Ши Дин, бледные от волнения, примчались в Поместье Жунго. Поняв по их растерянными лицам, что стряслось нечто из ряда вон выходящее, Матриарх приказала слугам немедленно удалиться.

— Тетушка, беда! — заговорил Ши Най, едва за ними закрылась дверь. — Сегодня на утреннем докладе цензор Лю Си подал жалобу на Линь Лана, обвинив его в непочтительности к старшим. Но государь пришел в такое неистовство, что тут же лишил смутьяна чина и навсегда изгнал со службы!

— Тетушка, — подхватил взволнованный Ши Дин, — скажите на милость, у вас в доме завелся предатель? Кто вынес сор из избы и раструбил о семейной размолвке? Его Величество горой

стоит за Линь Лана! Зачем вы ищете ссоры с Линь Жухаем именно сейчас, когда он в такой силе? Вы ведь знаете, что это за человек! В бытность свою Инспектором соляного ведомства в Гусу он мало того что уцелел в тамошней мясорубке, так еще и перетряхнул весь Цзяннаньский чиновничий аппарат!

Матриарх с глухим стуком опустила пиалу на столик:

— Полно паниковать. Я и знать не знала об этой подлости. Дайте мне время, и я докопаюсь до правды.

Ши Най предостерегающе зыркнул на брата, заставляя того умолкнуть, и с тревогой спросил:

— А если Линь Жухай затаит обиду и решит отомстить?

— Не беспокойся, — холодно ответила старая госпожа. — Как ни крути, Линь Жухай нам не чужой — он муж моей покойной дочери. Стоит нам найти виновного и принести искренние извинения, до открытой вражды дело не дойдет.

Уверенность тетюшки немного успокоила братьев Ши. Проводив их, Матриарх тут же вызвала верных людей и приказала выяснить, кто посмел накануне отправить весточку за пределы поместья.

Несмотря на то, что почтенная старая госпожа давно отошла от управления повседневными делами усадьбы, преданные слуги у нее все еще имелись. Уже на следующее утро старуха Лай явилась с докладом.

Картина вырисовывалась прескверная. В тот злополучный день Матриарх, убедившись, что жизнь ее любимого внука Баюя вне опасности, вернулась к себе. Но уязвленная госпожа Ван осталась в покоях сына. Расспросив служанку Сижэнь, она узнала, что Линь Лан ушел, даже не попытавшись помочь потерявшему сознание кузену. Старая обида на дерзкого племянника, который прежде ни в чем не уступал ей, вспыхнула с новой силой. Решив, что недавно прибывшие в столицу Лини одиноки и беззащитны, разгневанная женщина тайно отправила весточку своему брату Ван Цзытэну. От него ниточка потянулась дальше, и слухи попали в руки недоброжелателей Линь Жухая, которые не преминули воспользоваться шансом на утренней аудиенции.

И пусть само Поместье Жунго не приложило руку к доносу, утечка произошла по вине госпожи Ван. Будучи женщиной мудрой и справедливой, Матриарх решила загладить вину, но прежде отправила строгое послание Ван Цзытэну.

Ван Цзытэн поначалу полагал, будто его непутевая сестрица сама глупо разболтала обо всем посторонним людям, и не придавал инциденту значения. Но, прочитав письмо разгневанного Матриарха Цзя-Ши, он похолодел: оказалось, утечка произошла именно через его собственных приближенных! Это было сродни катастрофе. При дворе не стоило наживать врагов без веской

причины — подобные обиды смывались годами. Род Ван держался исключительно на его авторитете, а достойного преемника у него не было. С Линями же все обстояло иначе: Линь Жухай возглавил влиятельное Министерство финансов и метил в члены Государственного совета, а его талантливый сын Линь Лан обучался бок о бок с принцами, пользуясь явным покровительством императора. Будущее этого юноши обещало быть куда более блестящим, чем у его отца.

Понимая всю серьезность положения, Ван Цзытэн спешно связался с Цзя Шэ, старшим господином дома Цзя, и они вдвоем зазвали Линь Жухая в столичный трактир, дабы принести нижайшие извинения и искупить вину. Почему на встречу не пригласили Цзя Чжэна? Хм, этот напыщенный книжный червь, строивший из себя великого праведника, в делах практических был абсолютно бесполезен.

Линь Жухай не собирался доводить дело до открытой вражды. В конце концов, его семья от этих козней не пострадала, а обидчикам пришлось раскошелиться на весьма щедрые «извинительные» дары. К тому же он заручился поддержкой Ван Цзытэна в поисках того, кто направлял руку цензора Лю Си. Чиновники в палатах менялись, словно времена года, а Линь Жухай лишь недавно принял дела и еще плохо знал подчиненных в Министерстве финансов. Двух-трех преданных людей явно не хватало, чтобы прибрать к рукам все ведомство, тем более что за финансовыми потоками приглядывал один из принцев.

Что же касается госпожи Ван, устроившей эту бурю в стакане воды, то Линь Жухай решил наказать ее тоньше — он пригласил ее мужа, Цзя Чжэна, провести вечер за созерцанием редких свитков, из-за чего тот окончательно охладел к супруге, увлекшись возвышенными беседами.

Но если родственникам жены Линь Жухай согласился спустить эту глупость на тормозах, то истинному виновнику пощады ждать не приходилось. Покуситься на его единственного сына, его гордость и радость? Этот негодяй явно устал жить!

Объединив усилия с Ван Цзытэном, новоиспеченный министр быстро вышел на кукловода. Им оказался Левый помощник министра финансов. Именно он спал и видел себя во главе ведомства, пока его чаяния не разрушило внезапное назначение Линя. Жухай не стал размениваться на мелкие пакости и медлительные придворные интриги — он нанес один точный, сокрушительный удар.

У каждого вельможи, годами просиживающего кресло в столице, найдутся и скелеты в шкафу, и кровные враги. Линь Жухай без труда договорился со старыми соперниками своего помощника, нашел неопровержимый компромат и переломил сопернику хребет. В считанные дни наглец лишился имущества, а сам вместе с семьей отправился в кандалах на каторгу в дальние рубежи империи.

Так что визит Линь Лана и его сестры в Поместье Жунго прошел на удивление гладко. Девочек отпустили без лишних разговоров, разве что к компании присоединилась Сюэ Баочай. Впрочем, никто против этого не возражал — одной подругой больше, веселее будет. Баоюй, разумеется, рвался поехать следом, но Матриарх пресекла эти поползновения на корню.

Старая госпожа понимала: Линь Лан затаил обиду на госпожу Ван, да и вся каша заварилась по вине этой глупой женщины. Отправлять Баюя к Линю сейчас означало подставить любимчика под удар.

Праздники остались позади, и зимняя стужа понемногу уступала место первому весеннему теплу. Воздух все еще оставался промозглым, но юных барышень это не пугало. Накинув теплый подбитый мехом плащ, Линь Лан ехал верхом на холеном скакуне, бдительно охраняя богато украшенный экипаж со своими кузинами.

Сестрам из дома Цзя еще никогда не доводилось покидать усадьбу ради праздного веселья. Обычно их вывозили лишь на поклонение святыням в буддийские монастыри или женские обители, да и то в сопровождении строгих нянек и старших родственниц, шагу не дававших ступить без поучений. Возможность вырваться на волю кружила девочкам головы. Они щебетали без умолку, и даже вечно молчаливая и робкая Цзя Инчунь оживилась, с интересом поглядывая в окно.

— Какое счастье, что сестрица Линь не забыла о нас, — с улыбкой проговорила Цзя Таньчунь.
— Не будь ее приглашения, мы бы так и чахли в своих покоях.

Барышни дома Цзя понятия не имели о раздорах между родителями, а вот Дайюй знала все подробности. Но она была слишком благородна, чтобы переносить обиды взрослых на ни в чем не повинных сестер, и потому с радостью позвала их с собой.

— Коли ты так мне благодарна, где же ответный дар? — лукаво прищурилась Дайюй.

Таньчунь притворно покраснела и, прижавшись плечом к кузине, пропела тонким голоском:

— Ах, у бедной девицы нет за душой ни гроша. Позволишь ли отблагодарить тебя собой и разделить твою судьбу?

Экипаж взорвался звонким девичьим смехом.

— Все привыкли считать, что у нас в доме только невестка Фэн горазда на шутки, — весело заметила Сюэ Баочай. — Но ты, Таньчунь, пожалуй, ничуть ей не уступаешь!

Баочай, в отличие от остальных, знала о натянутых отношениях между семьями. Накануне госпожа Ван, получив суровый выговор от Матриарха и натолкнувшись на ледяную стену презрения со стороны супруга, в слезах прибежала жаловаться своей сестре, тетушке Сюэ. Та, в свою очередь, поделилась новостями с дочерью. Однако Баочай решила, что Дайюй держат в неведении, а потому вела себя как ни в чем не бывало, скрывая за кроткой улыбкой собственные далеко идущие планы.

Будучи благовоспитанными барышнями из знатных родов, они быстро умили свое веселье.

Не приличествовало девицам вести себя шумно и ветрено, ведь случайные прохожие могли услышать их крики и счесть это верхом невоспитанности.

<http://bllate.org/book/18219/1760876>